

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В БАРНАУЛЕ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

**Материалы V Всероссийской научной
конференции (с международным участием)
29–30 июня 2018 г.,
Барнаул**

Барнаул
Издательство ООО «Пять Плюс»
2018

20. ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 181. Л. 18.
21. ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 193. Л. 18, 21.
22. ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 193. Л. 44, 54.
23. ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 205. Л. 72.
24. ГААК. Ф. П-44. Оп. 2. Д. 180. Л. 8.

УДК 94(571.5)

М. С. Петренко, кандидат исторических наук,
доцент
*Новосибирский юридический институт
(филиал) Томского государственного
университета (Новосибирск, Россия)*

ТРУДОВАЯ ЭТИКА СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1950-е гг.

На основе изучения трудовой мотивации колхозного крестьянства принята попытка дать обобщенную характеристику системы экономических ценностей и представлений сибирской деревни. Делается вывод о сохранении в 1950-е гг. в Сибири традиционных экономических мотивов, связанных с понятиями справедливости, бескорыстной помощи и коллективизма. Крестьянство отрицало установку на личное обогащение, ориентируясь в своей трудовой деятельности не на прибыль, а на выживание и базисное жизнеобеспечение. Несмотря на изъятие значительной части продукции государством, крестьянство не оказывало ему должного сопротивления, предпочитая вырабатывать различные формы приспособления к внешней среде с целью минимизации рисков.

Ключевые слова: отношение к труду, крестьянство, экономическая ментальность, Сибирь.

Ключевым фактором жизнедеятельности советского общества выступал труд. Он был важнейшим идеологическим конструктом, утверждавшимся правящей партией, и одним из главных мерил человеческого достоинства. Государство нацеливало народ на трудовые свершения, трудом перевоспитывали нарушителей социалистического общежития, ордена и медали за трудовую доблесть и трудовое отличие заняли важное место в системе советских наград; лозунги, содержащие слово «труд», не сходили с советских плакатов, журналов, газет.

Труд занимал важное позитивное место в сознании основной массы советских людей. Трудиться было почетно, особенно в деревне. Крестьяне, по собственным наблюдениям характеризовавшие свою жизнь как время, проведенное в работе, придавали труду особое значение, наполняя его дополнительными ценностными смыслами.

В крестьянской среде трудом считалась не любая работа. Труд был наполнен нравственным содержанием, поэтому оценка характера труда и, следовательно, отношение к нему зависели от его направленности. Труд ради выживания, ради удовлетворения базовых потребностей, а также труд ради общего дела был ценен и уважаем. Деятельность ради наживы, изворотливость и хитрость как инструменты личного обогащения, попытки прожить за чужой счет, а также лень, безделье вызывали негативную реакцию, всячески осуждались и даже наказывались. Не случайно отношение к так называемым «шабашникам» в деревне было отрицательное. Они воспринимались как люди, стремящиеся к легкой наживе, и значит, в понимании крестьян, были «лодырями» и бездельниками, хотя объем выполняемой работы «шабашниками» зачастую превосходил объем выполненных работ самими крестьянами.

В основе такого неприятия «шабашников» и тех, кто жил «себе на уме», лежала иная система взглядов, другая трудовая этика, которая сформировалась в условиях господства общинных традиций, когда задачи выживания объективно были важнее стремления к преуспеванию. В России не сложилось протестантской трудовой этики с присущей ей фигурой *self-made man*, человека, который «сделал себя сам», добился успеха, славы и богатства своими собственными силами. При неразвитости индивидуалистических ценностей *self-made man* воспринимался большинством как выскочка, который делает свою карьеру, «идя по головам» [1]. Не случайно утверждавшийся в русской деревне в период развития капитализма тип «хитрого мужичка» вызывал всеобщее отрицание и осуждение, что в конечном счете вылилось в раскулачивание, широко поддержанное основной массой русского крестьянства.

Отрицание протестантской этики не только коренилось в самосознании и экономической культуре крестьянства. Весь пафос коммуни-

стической идеологии был сосредоточен на утверждении коллективистского начала, осуждении стяжательства и накопительства. Это лишь укрепляло и консервировало патриархальные черты крестьянского труда, позволяя тем самым государству устанавливать с крестьянством тесную живую связь, чтобы в конечном счете подписать с ним негласный социальный контракт, позволяющий нещадно эксплуатировать людей, привыкших к нужде и тяжелому труду.

Одна из ключевых проблем, которая встает перед исследователем, занимающимся изучением экономической мотивации крестьянства в 1950-е гг., связана с поиском объяснительных характеристик тяжелой физической работы в колхозе в условиях крайне низкого вознаграждения за труд. На первый взгляд, мы имеем дело с иррациональной мотивацией. Однако следует учитывать, что рациональность не сводится к экономической расчетливости. Рациональность крестьянского мира была нацелена не на эффективность, а на поддержание социальной интеграции, когда хозяйственная расчетливость, крестьянская смекалка подкрепляются нормативными ожиданиями и исторически сложившимися представлениями о социальной ответственности. Еще А.В. Чаянов писал, что стяжательство чуждо русскому крестьянству. В отличие от классического фермера-предпринимателя, нацеленного на получение прибыли, крестьянин пытается лишь добыть необходимые для существования семьи средства. И чем выше потребительские запросы семьи, тем выше интенсивность труда [2, с. 121].

Чтобы понять мотивацию колхозника, следует обратиться к его работе в собственном хозяйстве. Здесь нет ориентации на максимизацию прибыли, здесь главным мотивом трудовой деятельности выступает стремление к естественному жизнеобеспечению. Карл Поланьи назвал такую экономику субстантивной [3].

Данная экономическая модель, которую можно наблюдать в личном крестьянском хозяйстве, может быть перенесена и на хозяйство коллективное с точки зрения понимания мотивации к труду. Работа в колхозе выступала необходимым условием работы в домашнем хозяйстве, некоей неизбежной обременительностью, какой выступает наличие в доме инвалида, пьющего родственника и т.п. В ситуации, когда крестьянин принимает существующие социальные нормы и ограничения, как исходящие от «своих», он не противопоставляет экономическое поведение в колхозе поведению в домашнем хозяйстве.

Не вызывает сомнения грубое принуждение со стороны государства в лице колхоза. Сами крестьяне, вспоминая те годы, рассказывали: «Пока не уберешь колхозное поле, на своем участке не давали работать... Порой приходилось воровать по ночам собственное сено, предсе-

датель не разрешал его вывозить. Могли просто отобрать или не дать накопить» [4]. Открытое насилие должно было привести к сопротивлению со стороны крестьянства, если не прямому, то косвенному. Однако у нас нет фактов, которые позволили бы говорить о готовящихся восстаниях или хотя бы об имитации работы в колхозе.

Отсутствие материального стимула в целом мало снижало производительность труда. Причины такого отношения к безвозмездной деятельности коренились в традиционных ценностях, которые в 1950-е гг. только начали подвергаться первой эрозии. Здесь можно выделить два ключевых фактора, обусловивших сохранение высокой интенсивности труда в колхозе за минимальное вознаграждение. Первый – ориентация на существующие нормы, которые занимали прочное место в сознании крестьян. Как объясняли свое поведение сами колхозники: «Работали, потому что надо было работать»; «А кто будет работать?» [5]; «Чем скотина виновата, чтобы стоять ей некормленной и неухоженной» [6, с. 118]. При проведении опросов среди пожилой части селян, помнивших 1950-е гг., ни один не сказал о внутреннем протесте или тем более желании поднять восстание. Не было выявлено ни одного факта, когда крестьяне воспринимали свою работу в колхозе как эксплуатацию со стороны государства.

Второй фактор связан с групповым давлением в деревне, значимость которого во многом обуславливалась сохранением коллективистских ценностей и ориентаций. Людям было безразлично мнение окружающих. На селе, где прослыть лентяем было позорно, человек скорее будет безвозмездно работать, живя впроголодь, чем станет что-то выгадывать, ловчить или объяснять соседям бессмысленность работы в колхозе. Как говорили сами колхозники: «Совестно в звене работать хуже других», «Работаем сообща, плохо сделаешь – сразу все заметят, будет стыдно» [6, с. 121]. На открытых собраниях люди подвергали резкой критике тех, кто во время общественных работ «работал на сторону», зарабатывал для себя. При этом колхозников, прилагавших чрезмерные усилия в работе, выполнявших по несколько норм, зачастую третировали и даже били. Передовик производства, тракторист Л. Петров из села Тангуй Иркутской области рассказывал: «Меня другие (члены тракторной бригады) не любили, они работать не хотели. Я приходил раньше всех, начальство всегда хвалило. Даже несколько раз пытались мне трактор сломать» [7, с. 212]. Оценка экономической деятельности человека в сибирской деревне зависела от мотивации труда. В глазах сельского общества «стахановец», передовик старается выслужиться перед начальством, пытается выставить

напоказ качества, которыми он вряд ли обладает, выделиться на фоне остальных, по сути, подставляя своих товарищей.

Тех, кто пытался противопоставить себя сельскому обществу, «не уважал» местные правила, а то и пытался где-то схитрить, прожить за чужой счет, жестоко наказывали. Как гласила русская поговорка: «Против мира не пойдешь». Бывали случаи, когда тем, кто шел против коллектива, против сельских обычаев, просто сжигали дом или сено, причем это могло повторяться по несколько раз. В ряде мест, особенно в таежной части Томской области, мощное коллективистское начало сохранялось еще очень долго («помочь» собирали вплоть до 1970-х гг.), а зависимость от норм и мнений односельчан в сибирской деревне не изжита в полной мере по сей день.

Понимание трудовой этики сибирского крестьянства будет неполным без обращения к дихотомии «свой – чужой». Говоря о работе в колхозе, следует принимать во внимание, что существующие нормы и зависимость от мнения односельчан выступали важным фактором принятия решений только в ситуации, когда речь шла о «своих». Несмотря на фактическую эксплуатацию крестьянства со стороны государства, колхоз, да и само государство считалось «своим». Поэтому принципы коллективного принуждения сохраняли свою эффективность.

Однако само по себе понимание колхоза в сибирской деревне во многом строилось на основе персонифицированной системы межличностных коммуникаций. Требования со стороны председателя или бригадира воспринимались не как требования колхоза или какой-то обезличенной системы правил, а как принуждение или просьба в зависимости от ситуации со стороны конкретного лица. Поэтому отношение к колхозу и, как следствие, работе в колхозе зачастую зависело от отношения к тем, кто олицетворял данную организацию. Если председатель был «свой» человек, пользовался уважением и авторитетом, радел за народ, то и отношение к колхозу было соответствующее, что активизировало существующие нормы и обеспечивало более высокую производительность труда. Некоторые председатели даже шли на должностные преступления, скрывая информацию о лицах, не выработавших установленное количество трудодней. В ситуации, когда председатель был «чужой», т.е. заботился только о себе, был плохим хозяйственником, пьянствовал «с дружками», складывалось негативное отношение к труду.

В колхозе, который воспринимался «своим», например, можно было поменять личную худую корову на колхозную упитанную. Н.В. Курченко из колхоза «Красный Май» Томской области рассказывала, что колхоз распахивал земли больше, чем указывал в отчете, что позволя-

ло весь урожай, собранный с неучтенной земли, распределять среди колхозников [8]. Налицо попытка коллективного противопоставления государству, когда колхоз считается «своим», и работа в колхозе ничем, по сути, не отличается от работы в личном хозяйстве. Очевидно, что подобные практики могли иметь место только там, где коллектив колхозников представлял единое целое, и председатель колхоза был «своим человеком», умел ладить с народом. Не удивительно, что желающих быть председателем было немного.

Не случайно, что в качестве основного источника зла, повинного во всех крестьянских бедах, выступали местные руководители. В качестве главной причины нежелания работать люди называли безответственное отношение начальства к выполнению своих обязанностей, постоянные пьянки местных руководителей на фоне простоя техники или неуборки урожая и т.п. При этом не попадается ни одного письма, в котором снижение интереса к нуждам и проблемам сельского общества объяснялось низким уровнем материальной заинтересованности. Следует учитывать, что нажим со стороны председателя колхоза вовсе не всегда воспринимался как насилие со стороны государства, поскольку «плохой» председатель — это еще не «плохая» советская власть [9]. Сам факт обилия жалоб на председателей колхозов свидетельствует о том, что колхозники ставили под сомнение право председателя выступать в качестве представителя местной власти.

Обращение к теории «моральной экономики» Дж. Скотта стало общим местом в исторических исследованиях крестьянства. Невозможно понять экономическую ментальность сибирского крестьянства без обращения к традиционным мотивам, широко распространенным в крестьянской среде, связанным с понятиями справедливости, бескорыстной помощи, коллективизма и стремлением к выживанию. Рассмотрение трудовой этики сибирского крестьянства 1950-х как этики выживания представляется вполне оправданным. В этот период в Сибири сохранялась ориентация на удовлетворение минимальных потребностей. Уровень жизни оставался крайне низким. Поэтому этика выживания была определяющей чертой экономической культуры сибирского крестьянства. Важно было не столько реализовать принцип справедливого вознаграждения за труд, сколько обеспечить себе минимальный доход.

Несмотря на повышение уровня жизни сибирского крестьянства после 1953 г., задачи выживания не утратили своей актуальности. Даже достаточный уровень потребления не гарантировал его сохранения в будущем. Поэтому крестьяне делали запасы, и страх голода еще долго преследовал людей. При проведении бесед с пожилыми людьми,

делившимися своими воспоминаниями, тема возможного голода поступала постоянно. Голод в понимании крестьянина — это потребление ниже некоего минимального уровня, опуститься до которого абсолютно недопустимо, поскольку сопряжено с угрозой утраты социального статуса в деревне. Быть голодным считалось зазорным. Голодный — значит, лентяй. Как говорили сами крестьяне: «Кто работал, никогда голодным не ходил» [8].

Интуитивно заданный минимальный уровень потребления с годами менялся, но проблема голода в повседневном дискурсе сохранилась вплоть до наших дней. Этому есть свое объяснение. Во-первых, память о голоде послевоенных лет удерживалась в сознании людей до конца их жизни. Во-вторых, в Сибири было много спецпереселенцев с Украины, переживших голодомор в 1932–1933 гг. Даже те, кто не познал голода, могли воочию наблюдать жизнь сосланных, поэтому жалели их, помогали, чем могли.

Разговор о скрытом сопротивлении со стороны крестьянства поднимается почти в каждой работе, посвященной взаимоотношениям крестьянства и власти того периода [10]. Однако нельзя смешивать пассивное сопротивление крестьянства, приспособление и отступление. Представляется, что интерпретация бегства из колхоза, неуплата налогов в полном объеме, как форм скрытого сопротивления, несколько упрощена. Сопротивление предполагает создание препятствий на пути осуществления целей контрагента. В его основе лежит борьба за изменение существующего порядка вещей. Но были ли различного рода формы приспособления крестьянства к внешней среде такой борьбой? Речь не идет об отрицании самого факта пассивного сопротивления. Вызывает сомнение расстановка акцентов, когда разного рода приемы, направленные на обеспечение минимально необходимой устойчивости, снижение неопределенности материального положения с целью страхования от непредвиденных обстоятельств, интерпретируются как пассивное сопротивление.

Симулирование, притворная угодливость, мнимое неведение, саботаж и т.п. — все это имело место. Например, вместо сдачи масла крестьяне ехали в город, продавали на рынке молоко, а на вырученные деньги там же в городе покупали масло, чтобы потом сдать его государству в счет уплаты налога. Дело в том, что государство приравнивало 1 кг масла к 28 литрам молока, в то время как купить в городе 1 кг масла можно было, продав на рынке всего 10 литров молока [11]. Если такого рода действия еще можно рассматривать как форму пассивного сопротивления, то бегство, уход от неприняемой реальности вовсе не подразумевает обязательной борьбы. Даже обман государства сами

крестьяне не считали сопротивлением, воспринимая собственные попытки уйти из колхоза, выкрутиться из сложной ситуации как простое стремление улучшить свою жизнь.

Само по себе допущение протеста со стороны крестьянства внешнему принуждению предполагает наличие недовольства колхозником размером вознаграждения, как неадекватного тем трудовым усилиям, которые предпринял человек. Однако в крестьянской среде того времени преобладал неформальный обмен, в котором не только деньги занимали второстепенное место, но и неэквивалентность обмена была нормой. Иначе трудно объяснить существование в сибирской деревне практики всем селом строить дом одному, причем безвозмездно.

Стратегия выживания исключает индивидуализм сам по себе. Экономика жизнеобеспечения отдельной семьи неизбежно встраивается в существующие социальные отношения. Отсюда высокий вес моральных ограничений и бескорыстное вспомоществование, в том числе по линии отношений крестьянин – колхоз.

Поскольку неэквивалентность обмена была естественна, ее чрезмерность вызывала не столько протест, сколько обиду. Это хорошо видно из крестьянских писем, копии которых органы госбезопасности, занимавшиеся перлюстрацией, направляли в обком партии. В них колхозники жаловались друг другу на низкую оплату труда, сетовали по поводу разрушения колхозного хозяйства, гибели скота, птицы, проста сельскохозяйственной техники. Все письма такого рода переполняют чувства горечи и обиды. Примечательно, что в них нет ни грана ненависти, только роптание на судьбу свою горемычную, душевная боль и отчаяние [12].

Таким образом, сибирская деревня 1950-х гг. во многом сохраняла старый уклад, когда проблема обеспечения экономической безопасности и стремление к удовлетворению базисных потребностей выступали в качестве исходного мотива, определяющего отношение к труду. Сибирский крестьянин сохранял приверженность коллективистским установкам и не был нацелен на максимизацию дохода. Его отличала готовность к бескорыстной помощи и собственное понимание социальной справедливости, не связанное напрямую с распределением благ на основе эквивалентности.

Библиографический список

1. Латов Ю. Антикапиталистическая ментальность россиян : барьер на пути к легализации // Неприкосновенный запас. 2003. №3.
2. Чаинов А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989.

3. Радаев В.В. Экономико-социологическая альтернатива Карла Поланьи // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М., 2007.
4. Интервью с Д.И. Донечко. Личный архив автора.
5. Интервью с М.С. Донечко. Личный архив автора.
6. Коллектив колхозников. Социально-психологическое исследование. М., 1970.
7. Ковригина С.В. Внеэкономические формы стимулирования крестьянства Приангарья в послевоенный период // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2014. Иркутск, 2014.
8. Интервью с Н.В. Курченко. Личный архив автора.
9. Клинова М.А. Власть глазами крестьян (на материалах писем и жалоб послевоенного двадцатилетия) // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 8. №4.
10. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. №3.
11. ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 14. Д. 429. Л. 65.
12. ГАНУ. Ф. П-4. Оп.14. Д. 442. Л. 3, 5, 18.
13. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 243. Л. 208.